

6. S. Pinto, V., de. Introduction. D.H. Lawrence: Poet without a mask / The Complete Poems of D.H. Lawrence. Middlesex: Penguin Books Ltd, Harmondsworth, 1977.

7. Ibidem.

8. Материалом для анализа послужили тексты стихотворений Д.Г. Лоуренса из следующего издания: The Complete Poems of D.H. Lawrence. Middlesex: Penguin Books Ltd, Harmondsworth, 1977. 819 p.

9. Ветвичка В. Горечавка ластовенная / Растения полей и лесов. Перевод В. Фельдмена. Прага: Артия, 1987.

*Людмила Вениаминовна КУШНИНА —
профессор кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации,
доктор филологических наук
lkushnina@yandex.ru*

*Елена Вадимовна АЛИКИНА —
доцент кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации
кандидат педагогических наук
elenaalikina@yandex.ru*

Пермский государственный технический университет

УДК 81 '253

ГАРМОНИЯ В СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УСТНОГО ПЕРЕВОДА

HARMONY IN THE SYSTEM OF INTERPRETATION QUALITY ASSESSMENT

АННОТАЦИЯ. С позиции концепции переводческого пространства в статье рассматривается иерархия критериев оценки качества устного перевода, среди которых высший уровень представляет собой гармония.

SUMMARY. Translation space conception is applied to the hierarchy of interpretation quality assessment criteria among which harmony represents the highest level.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Качество перевода, гармония, адекватность, эквивалентность, переводческое пространство.

KEY WORDS. Interpretation quality, harmony, adequacy, equivalence, translation space.

Гармония как критерий оценки качества перевода на сегодняшний день воспринимается учеными как некая переводческая метафора, своего рода идеал, к которому стремится переводчик. Избрав объектом исследования переводческое пространство как совокупность гетерогенных смысловых полей, смысловую модель процесса перевода, мы обозначили в качестве предмета исследования обоснование категории гармонии как особого переводческого мировоззрения, что позволяет признать ее самостоятельной переводческой категорией. Мы рассматриваем гармонию как переводческую категорию, которая выступает целью процесса перевода и представляет собой высший уровень в системе оценки качества перевода.

Категория качества является одной из основных категорий переводоведения, изучением которой занимается один из его разделов — научная критика перевода. Если предметом анализа отечественных исследователей чаще всего выступает письменный, а именно художественный перевод (Н. Галь, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров, К.И. Чуковский, А.Б. Шевнин и др.), западные переводческие критики уделяют большее внимание устному переводу (Н. Barik, Н. Bühler, D. Gile, E. Kahane, I. Kurz, V. Moser-Mercer, B.C. Ng, P. Röchhacker и др.).

Разрабатывая теорию переводческого пространства как смысловую модель письменного перевода [1], [2], мы пришли к выводу, что данная модель имеет универсальный характер. Это значит, что устный перевод подчиняется тем же общим закономерностям, что и письменный; следовательно, система оценки качества, апробированная на материале сопоставительных исследований письменных текстов, может быть экстраполирована и на процесс устного перевода. Подчеркнем, что при этом изучение устного перевода ставит перед исследователем гораздо больше проблем, поскольку фиксация устного текста и его последующий анализ осложнены по объективным причинам. Материальными продуктами, на основе которых возможно осуществление оценки устного текста, являются текст переводческой записи (в ситуации последовательного перевода) либо аудио- или видеозапись (во всех других видах перевода) [3].

Ситуация с устным переводом аналогична ситуации с устной речью. Современные лингвисты осознали, что вся лингвистика построена на изучении письменного языка, в то время как устная речь практически не исследована. Начиная с эпохи Ф. де Соссюра, утверждавшего, что единственным предметом лингвистики является язык [4], весь XX век был посвящен изучению языка. Сама дисциплина определялась учеными как «языкознание» или «языковедение». Лишь недавно появился термин «речеведение», или «лингвистика речи».

Как пишет М.Н. Кожина, «речеведение — это формирующаяся область знаний в лингвистике, включающая комплекс наук, исследующих с разных сторон один и тот же объект — речь (речевую деятельность, речевое общение и поведение) и объединенных общим принципом изучения, а именно употребление, функционирование языка во внешней среде (контексте) [5; 338]. Как поясняет ученый, речеведение исследует язык в живой коммуникации, акцентируя внимание на динамике употребления языка человеком, т.е. антропоцентризме, а сама речь человека протекает как речевая деятельность в процессах общения и широкого невербального контекста, т.е. характеризуется как диалогизм, который простирается в различных сферах.

Вместе с тем учение о сферах речи можно соотнести с учением о дискурсе, т.к. предметом последнего являются различные сферы человеческой коммуникации с учетом совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов.

Понятие дискурса претерпело последние годы существенные изменения. Если в прошлом веке в западноевропейской лингвистике под дискурсом понимали «разумное размышление», а затем под влиянием активного изучения устной живой речи дискурс отождествляли с диалогом, то в дальнейшем анализ дискурса подразумевал анализ связной речи, обращенный к ментальным структурам, к механизмам порождения и восприятия высказывания. Важным является также вопрос о соотношении текста и дискурса. Если анализ текста направлен преимущественно на внутренние, внутритекстовые отношения, то анализ дискурса характеризует внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса. Это значит, что дискурсообразующими характери-

стиками являются различные сферы человеческой коммуникации. В рамках нашего исследования целесообразно выделить переводческий дискурс как отражение переводческой речевой практики, а дискурсивный анализ рассматривать как средство проникновения в глубинную структуру текста устного перевода, в его смысл.

Таким образом, опираясь на лингвистику речи и теорию дискурса, а также признавая методологическую роль концепции переводческого пространства, попытаемся представить наше понимание устного перевода как разновидности устноречевого переводческого дискурса, критерием оценки качества которого выступает категория гармонии.

Напомним, что переводческое пространство включает в себя поля субъектов переводческой коммуникации: автора, переводчика, реципиента, и текстовые поля: содержательное, энергетическое, фатическое (культурологическое), каждое из которых несет свои смыслы (фактуальный, иррадиирующий, модальный, рефлексивный, культурологический, индивидуально-образный).

В устном переводе участвуют все субъекты переводческой коммуникации: автор (оратор, докладчик, партнер-1), переводчик (синхронист, последовательный, линейный, сурдопереводчик) и реципиент (слушатель, аудитория, партнер-2). Отметим, что в зависимости от вида перевода переводческое посредничество происходит в непосредственном контакте с коммуникантами (последовательный перевод, линейный перевод) или дистанционно (синхронный перевод в кабине, телефонный перевод), с участниками, находящимися в равно-партнерских отношениях (перевод переговоров) или выполняющими ассиметричные роли (коммунальный перевод).

В процесс перевода включается энергетическое поле, т.к. и автор, и переводчик вносят в устный текст свою энергию, свои чувства и эмоции, которые передаются слушающему. Очевидно, что все интертекстуальные и интердискурсивные характеристики «вплетаются» в ткань устноречевого переводческого дискурса, что подтверждает значимость фатического поля. И, наконец, содержательным полем при устном переводе предстает звучащий текст, обладающий собственными характерными чертами, что в значительной мере изменяет его форму и лишь незначительно — содержание.

В результате анализа условий протекания устного перевода с позиции теории переводческого пространства мы пришли к следующим выводам:

1. Проникновение в фактуальный, эксплицитно выраженный смысл содержательного поля базируется на извлечении и передаче инварианта исходного сообщения (фактов, прецизионной информации, логики изложения).

2. Осмысление энергетического поля и формируемого в нем иррадиирующего смысла происходит, с одной стороны, на основе изучения супraseгментных характеристик текста, определяющих затекст, таких как интонация, акцентирование и др., с другой стороны, на основе «вживания» переводчика в затекст, в его эмотивно-эмпатийные смыслы, порождающие межъязыковую чуткость переводчика.

3. Постигание культурологического смысла фатического поля основано на распознавании интердискурсивной среды (аллюзий, цитат, реалий и пр.).

4. Освоение модального смысла поля автора определяется пониманием переводчиком предтекста — авторских пресуппозиций, интенций, мотивов. В процессе предварительного знакомства с автором, его предыдущими выступлениями переводчик формирует собственное представление о будущем тексте перевода, своего рода глобальное видение текста.

5. Понимание рефлексивного смысла в поле реципиента зависит от степени изученности переводчиком целевой аудитории. В силу естественной диалогич-

ности устного перевода процесс восприятия текста определяется тем контекстом, которым владеет реципиент. Речь идет не только о фоновых экстралингвистических знаниях реципиента, но о его глубоком знании и интересе к проблеме. Роль переводчика заключается в его умении спрогнозировать порождение такого переводческого дискурса, который впишется в контекст реципиента.

6. Освоение индивидуально-образного смысла в поле переводчика детерминировано пониманием подтекста глубинного смысла высказывания. Это означает, что переводчик только тогда поймет дискурс, когда «увидит», мысленно представит его образ.

Переходя непосредственно к оценке качества устного перевода через категорию гармонии, отметим, что под гармонией мы понимаем процесс гармонизации смыслов текстов оригинала и перевода, охватывающий все поля переводческой коммуникации, своего рода синтез всех смыслов. Гармония не отрицает другие категории, такие как адекватность и эквивалентность, но она обеспечивает их иерархию, что и создает особую систему.

Согласно нашей концепции, степень гармоничности может быть разной. При одних условиях это могут быть отношения адекватности (первый уровень в иерархии качества перевода), при других условиях — отношения эквивалентности (второй уровень в иерархии качества перевода). И, наконец, высшим уровнем в иерархии уровней является собственно гармония.

К адекватному переводу мы относим дословный перевод, в котором обнаруживаются одно-однозначные билингвальные соответствия, не требующие переводческого переосмысления (например, наименования, исторические события, термины, числительные). С позиций переводческого пространства адекватность означает транспонирование фактуального смысла содержательного поля текста.

Необходимо обратить внимание на то, что в реальной переводческой практике адекватность сосуществует с эквивалентностью и гармоничностью, взаимно дополняя друг друга. Образно говоря, текст перевода, словно мозаичное полотно, вбирает в себя и нити адекватности, и нити эквивалентности, но его уникальный узор создается именно благодаря гармоничности.

Перейдем подробнее к вопросу о соотношении адекватности с эквивалентностью и гармоничностью. Это соотношение можно проследить как с точки зрения объема, т.е. выявить квантитативные параметры, так и с точки зрения глубины постижения смысла текста, т.е. описать качественные параметры.

Что касается объема, мы полагаем, что это величина переменная, зависящая от типа дискурса. Принципиальное положение состоит в том, что в любом тексте переводческая стратегия является комплексной, иными словами, адекватность имеет место даже в тех случаях, когда в целом текст переведен эквивалентно или даже гармонично.

Здесь же подчеркнем, что стратегии адекватности и эквивалентности сосуществуют, а их количественное соотношение каждый раз определяется самим переводчиком. Качественные параметры адекватного перевода определяются качеством перевода содержательного поля текста, его фактуального смысла, что является необходимым и достаточным для понимания текста и его отдельного фрагмента.

В самом общем смысле эквивалентность мы понимаем как отражение всех переводческих трансформаций (лексических, грамматических, лексико-грамматических, стилистических, коннотативных, стилистических), что приводит к установлению гармоничных межъязыковых соответствий. С позиций переводческого пространства эквивалентность означает, что произошло транспони-

рование смыслов всех полей переводческого пространства, кроме фатического, поскольку оно включает в себя, прежде всего, межкультурные соответствия, требующие значительных эмоциональных и интеллектуальных усилий со стороны переводчика.

Как правило, большинство трансформаций совершаются переводчиком сознательно, в результате постижения смыслов полей, отражающих индивидуальное видение текста всеми субъектами переводческой коммуникации. Некоторые трансформации осуществляются неосознанно, что проявляется в энергетическом поле, раскрывая затекст. В любом случае переводческие трансформации не выходят за рамки межъязыковых соответствий, как словарных, так и смысловых.

Гармонизация смыслов, которая подразумевает, что все смыслы в переводческом пространстве транспонированы переводчиком, приводит к тому, что взаимоотношения между текстами и дискурсами оригинала и перевода приобретают гармоничный характер. Так создается своего рода система «протянутых и непротянутых нитей» между исходным и производным текстами, о которой говорил А.В. Федоров [6]. Данная метафора представляется актуальной для концепции переводческого пространства и роли гармонии в оценке качества перевода: «протянутые нити» мы соотносим либо с адекватностью, либо — частично — с эквивалентностью. Что касается гармоничности, речь может идти только о «непротянутых нитях», т.к. они не могут быть непосредственно прослежены, поскольку не связаны однозначно с теми словарными соответствиями, которые переводчик находит в словаре. Адекватность как переводческая точность отличается от других переводческих стратегий намерением переводчика найти однозначные словарные соответствия. Эквивалентность как переводческая тождественность отдельных единств и единиц текста также устанавливает в большинстве случаев одно-однозначные соответствия между этими единствами и единицами текстов оригинала и перевода.

Совершенно иная ситуация складывается, если между текстами устанавливаются гармоничные отношения в гармоничном переводческом пространстве. Для того, чтобы пояснить наше понимание такой ситуации, напомним результаты исследований А. Вежбицкой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, С.Г. Тер-Минасовой, Г.В. Елизаровой и др., изучающих соотношение языка и культуры, в частности, роль культурного компонента в значении лексических единиц. Ученые пришли к выводу, что эффективное межкультурное общение требует формирования таких умений языковой личности, которые обеспечили бы создание общего культурного значения, разделяемого собеседниками, принадлежащими к различным культурам.

Мы полагаем, что расхождения в понимании, требующие создания общего значения, могут быть устранены, если переводчик будет стремиться к гармоничному переводу. С нашей точки зрения, гармония есть не что иное как искомое со-значение, как попытка переводчика проникнуть в культурный компонент значения специфических для конкретной культуры слов. Необходимость такого проникновения обусловлена тем, что концептуализация и категоризация действительности, отражаемой языком и культурой, находится под влиянием родного языка. А. Вежбицкая говорила о возможности сопоставления объема и характера культурных значений слов, что подтверждает теорию лингвистической относительности и имеет первостепенное значение для переводчиков.

Солидаризуясь с обозначенной выше позицией, мы пришли к выводу, что культурный компонент значения, сознание, безэквивалентная лексика и другие подобные компоненты объединяет категория значимости.

Напомним, что основы учения значимости были заложены Ф. де Соссюром, который установил различие между значением слова и его значимостью. С одной стороны, значимость есть элемент значения. С другой стороны, для определения значимости слова необходимо не только сопоставить его с понятием, которое соответствует значению, но и сравнить с другими словами, т.е. с подобными значимостями [4]. В работах Л.Н. Мурзина подчеркивается, что если термин «значение» служит для обозначения предметов и процессов действительности, то значимость обозначает вхождение элементов в систему языка, представляя собой совокупность дифференциальных признаков единицы [8]. Ученый заключает, что каждый язык обладает своим кругом значимостей. По значению языки универсальны, что объясняет возможность перевода с любого языка на любой другой, а по значимости языки идиосинкретичны, т.е. в каждом языке используются различные дифференциальные признаки для обозначения одного и того же референта.

В исследованиях В.Н. Манакина понятие значимости языковой единицы рассматривается в сопоставительном аспекте. Ученый понимает значимость как качество, отличительный признак, определяющий ценность и место языковой единицы в системе относительно среди понятий «значение» и «смысл»: «значимость не входит в значения, а выводится из их соотношений, т.е. представляет собой реляционный признак смыслов сопоставляемых слов, который актуализируется соотношением их лексических значений» [7; 101].

Рассматривая соотношение значимости и гармонии, мы отталкиваемся от исходного положения, согласно которому смыслы сопоставляемых текстов представляют собой реляционный признак, зависимый не столько от значения входящих в него слов, сколько от их значимостей. Сами значимости неидентичны, несимметричны, т.е. ценность отдельных дифференциальных признаков единицы различна, как различна и ценность отдельных дифференциальных смыслов полей переводческого пространства, что приводит каждый раз к порождению уникального, неповторимого текста перевода.

Таким образом, понимая значимость как важнейшую категорию сопоставительной лингвистики, отражающую различную степень сопоставления смыслов, а гармонию — как важнейшую ценностную категорию процесса транспонирования смыслов при переводе, мы приходим к заключению, что обе эти категории взаимообусловлены. Если в сопоставляемых языках ценностные качества единиц — их значимости — варьируются, то гармонизация значимостей этих единиц может стать конечной целью, как процесса перевода, так и сопоставительного анализа.

Исходя из этого, гармоничным можно признать перевод, в котором гармонизированы, согласованы значимости единиц разных уровней, начиная от слов, словосочетаний, предложений, заканчивая текстом и дискурсом, а иерархия значимостей может принять следующий вид:

1) дисгармония: в тексте перевода имеет место столкновение значимостей (переводческие ошибки и несоответствия);

2) адекватность: первый уровень гармоничности — частичное выявление значимостей в содержательном поле и в одном из полей субъектов переводческой коммуникации;

3) эквивалентность: второй уровень гармоничности — переводчик выявляет значимости полей всех субъектов переводческой коммуникации, успешно выполняя межъязыковой перевод;

4) собственно гармоничность: межъязыковой перевод обогащен межкультурным переводом. В переводческом пространстве произошло взаимодействие

значимостей, их согласование и координация, иными словами, гармонизация значимостей.

Таким образом, высшая цель процесса перевода — обеспечение «положительного коммуникативного эффекта» [9], максимального взаимопонимания коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурам, — достижима при гармонизации значимостей, результатом чего является переводческая гармония.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кушнина Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004.
2. Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь, 2009.
3. Аликина Е.В. Устный последовательный перевод: ключевые аспекты теории и практики. Пермь, 2008.
4. Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики. М., 1977.
5. Кожина М.Н. Речеведение // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наук, 2003. С. 332-339.
6. Федоров А.В. О художественном переводе. Работы 1920-1940 годов. СПб., 2006.
7. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. Киев: Знання, 2004.
8. Мурзин Л.Н. Проблемы и направления современной лингвистики. Пермь, 1992.
9. Röschaker P. Quality assessment in conference and community interpreting // Meta. 2001. № 2 46 (2). P. 410-425.

*Екатерина Викторовна АВЕРЬЯНОВА —
профессор кафедры французской филологии
Тюменского государственного университета,
кандидат филологических наук;
кандидат культурологии
e.v.averianova2009@rambler.ru*

УДК 811.163.1'42+811.124'42]:2

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ И ЛАТИНСКОМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

MANIPULATIVE VALUES IN THE CHURCH SLAVONIC AND LATIN RELIGIOUS DISCOURSE

АННОТАЦИЯ. В статье сопоставляются концепты, выражающие манипулятивные ценности и антиценности в церковнославянском и латинском христианском религиозном дискурсе XI-XVI веков. В статье рассматриваются только концепты, используемые при искушении и запугивании.

SUMMARY. The author compares concepts that express manipulative values and anti-values in the Church Slavonic and Latin religious discourse of the 11-16th centuries, and focuses predominantly upon temptation and threat concepts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Церковнославянский язык, латинский язык, манипуляция, религиозный дискурс.

KEY WORDS: the Church Slavonic language, the Latin language, manipulation, religious discourse.

Объектом изучения в настоящей статье являются концепты, выражающие ценности, используемые при манипуляции в религиозном дискурсе. Концепт